

События той великой битвы в начале года постепенно становились известны в столице. История о том, как генерал Лю Пин с отрядом всего в три тысячи человек три дня сражался при Саньчуанькоу с стотысячной армией Ли Юаньхао, и как в итоге весь отряд пал, а воины героически погибли, была принесена в столицу многими гостями с границы, сея панику среди жителей. Особенно те, у кого в семье были служащие на границе, не могли спать по ночам.

Сюй Гань, выслушав Тань Чжифэна и вспомнив эти слухи, тоже был тронут. Он кивнул и сказал:

— «С древних времён многие ли возвращались с войны?» Никто не хочет воевать. Но за всю историю династий, если мирные времена длились десять, двадцать лет, это уже было большой редкостью. Остальное время в основном было нелёгким.

Тань Чжифэн размышлял над словами Сюй Ганя. Хотя он и пережил с Инлуном множество династий, он всегда считал себя сторонним наблюдателем. Теперь, когда Сюй Гань так сказал, он невольно задумался: предыдущая династия просуществовала почти триста лет, принимая дань со всех стран. В период своего расцвета не только шестнадцать округов Яньюнь, но даже северные пустыни и страны Западного края были её территорией. Но правление Чжэньгуань после основания династии длилось всего двадцать лет и сменилось узурпацией У Чжоу. Позже, хотя и был период процветания Кайюань, вскоре Ань Лушань захватил восточную столицу, и знаменитые в истории процветающие земли были разграблены дочи́ста — это была так называемая «смута Ань Ши». В летописях говорится, что тогда все стремились перебраться на юг, как во времена смуты Юнцзя: «людские поселения исчезли, на тысячи ли — запустение», а ведь тогда династии Тан было всего сто с небольшим лет.

Теперь, со времён мятежа в Чэньцяо, прошло уже восемьдесят лет. Как долго ещё продлится процветание Великой Сун, процветание Кайфына?

...И сколько ещё дней они с Сюй Ганем смогут прожить в таком спокойствии?

Рука Сюй Ганя то и дело легко похлопывала Тань Чжифэна по плечу, так же нежно, как он убаюкивал Лин-эра. Черты лица Тань Чжифэна казались немного размытыми, всё больше напоминая его образ из сна. Сюй Гань не удержался и наклонился к нему. Он приближался всё ближе, и в его памяти даже всплыло знакомое ощущение. Возможно, если бы его губы коснулись этой бледной щеки, он смог бы вспомнить то чувство, и те разрозненные фрагменты, которые он никак не мог сложить воедино, обрели бы свой первоначальный вид.

Однако в тот самый момент в его голове вдруг раздался тот странный, хриплый и низкий голос:

— ...Оставь его, вернись со мной на Восточную гору...

Сердце Сюй Ганя сжалось, а в висках запульсировала боль. В этот момент в дверь вдруг послышался частый стук:

— Хозяин Тань, прошу прощения за беспокойство!

Это был голос Ван Чао. Тань Чжифэн поспешно встал и открыл дверь. Как только он откинул занавеску, на пороге оказался Чжань Чжао, а за ним — отряд полностью вооружённых солдат из Управы Кайфына.

Выражение лица Чжань Чжао было несколько необычным. Он заглянул через плечо Тань Чжифэна во двор, и его взгляд остановился на сидевшем там Сюй Гане. За его спиной Ван Чао и Ма Хань выглядели встревоженными, но Чжань Чжао повернулся и что-то прошептал им, а

затем вошёл и закрыл дверь.

— Что случилось? — с тревогой спросил Тань Чжифэн. — Брат Чжань, так поздно...

Вероятно, услышав шум в переулке, прибежали И-и и Чжочжо. Тань Чжифэн услышал испуганный крик Чжочжо:

— Почему... так много стражников?! — а затем голос Ван Чао, который что-то им объяснял.

Чжочжо, не дослушав, толкнула дверь во двор и шагнула внутрь:

— Чжифэн... стражник Чжань, что случилось?

— Дело вот в чём... — Чжань Чжао немного помедлил, обводя взглядом всех во дворе. — В храме Тяньцин произошло убийство. Женщина, которая там уединилась для духовных практик, по фамилии Сан, по имени Сыцзюнь, была сегодня вечером заколота ножом.

— Что?! — И-и и Чжочжо замерли от удивления. Тань Чжифэн тоже был в шоке. Он не ожидал, что пока они весело проводили время, в таком священном месте, как храм, кто-то мог быть так жестоко убит.

Постойте, храм Тяньцин... Тань Чжифэн посмотрел на северо-восток. Он слышал, что храм Тяньцин находится где-то поблизости, недалеко от Переулка Пшеничной Соломы. Неужели...

— Какое это имеет к нам отношение?! — холодно спросил И-и. — Неужели вы собираетесь обыскивать дом за домом?

— Вовсе нет, — медленно произнёс Чжань Чжао. Говоря это, он смотрел не на И-и, а прямо на Сюй Ганя. — Сюй Гань, боюсь, тебе придётся пройти со мной в Управу Кайфына.

— Что... почему? — на этот раз Тань Чжифэн окончательно остолбенел. Он смотрел то на Чжань Чжао, то на Сюй Ганя, и на мгновение даже не знал, кого и о чём спросить.

В этот момент взгляд Чжань Чжао сверкнул. Он достал из-за пазухи знакомую Тань Чжифэну кожаную маску с устрашающим видом и сказал ему:

— Брат Тань, монахи в храме видели, как человек в этой маске заколол Сан Сыцзюнь и скрылся. Описание этого человека... очень похоже на твоего брата.

Тань Чжифэн тут же поднял глаза на Сюй Ганя. Лицо Сюй Ганя было спокойным, он не стал оправдываться. Он встретил взгляд Чжань Чжао без малейшего признака паники.

— Я не убивал, — он слегка повернулся, и хотя он не смотрел на Тань Чжифэна, все почувствовали, что он обращается именно к нему. — Не бойся, я вернусь.

Сказав это, он вскинул подбородок и обратился к Чжань Чжао:

— Я пойду с тобой.

Чжань Чжао, наоборот, на мгновение замешкался. В конце концов, сомнение в его глазах рассеялось, и в них снова появился привычный спокойный и ясный блеск. Он кивнул, и они с Сюй Ганем один за другим вышли.

Кровь в жилах Тань Чжифэна застыла. Он корил себя за то, что не спросил Сюй Ганя, где тот

был, но, с другой стороны, если бы он спросил, ответил бы ему Сюй Гань?

— Подождите! — только сейчас он понял, что стоял как вкопанный и даже не сказал Сюй Ганю ни слова. Он побежал за Чжань Чжао и Сюй Ганем. Отряд всё ещё стоял в переулке за двором. Чжань Чжао сказал Сюй Ганю: — Сюй Гань, потерпи немного.

С этими словами его подчинённый достал грубую верёвку, свёл руки Сюй Ганя перед собой и умело связал их. Тань Чжифэн подбежал к Сюй Ганю и, глядя на него, сказал:

— Я... я тебе верю, но что всё-таки случилось, можешь мне рассказать?!

Глаза Сюй Ганя были тёмными, но казались тёплыми и спокойными. Он, не мигая, смотрел в глаза Тань Чжифэну, наклонился и легонько коснулся своим лбом его лба. В этот момент он прошептал так тихо, что только Тань Чжифэн мог его услышать:

— Следующий. Нужно узнать, кто следующий.

Сказав это, он выпрямился, уголки его губ дрогнули, и, как будто собираясь в обычную дальнюю поездку, он равнодушно сказал Тань Чжифэну:

— Деньги у И-и. Не переутомляйся. Хочешь — открывай таверну, не хочешь — закрой на несколько дней.

И в конце добавил:

— Позаботься о Лин-эре.

— Готовимся возвращаться в Управу Кайфына, — Чжань Чжао махнул рукой уже начавшим терять терпение стражникам, а затем похлопал Тань Чжифэна по плечу и сказал: — Брат Тань, прости.

Его взгляд был твёрдым и ясным, полным утешения, и Тань Чжифэну стало немного легче. Он растерянно кивнул.

Чжань Чжао тоже ушёл. Тань Чжифэн остался один у входа, в голове у него был полный беспорядок. Он смотрел, как стражники стройными рядами разворачиваются, издавая лязг доспехов, и идут к выходу из переулка. Но в этот момент дверь соседнего двора с грохотом распахнулась, и на пороге появился Чэнь Цин в растерянности, в ночном халате, и, как сумасшедший, закричал:

— Стражники! ...Кровь! Человека убили!

Чжань Чжао, шедший последним, обернулся и некоторое время смотрел на него. Чэнь Цин дрожал, его губы тряслись, лицо посинело, он выглядел невменяемым.

Чжань Чжао в конце концов отвёл взгляд, махнул рукой Тань Чжифэну, и отряд исчез в сумерках.

* * *

— Я слышала, что он сказал: хочешь — открывай, не хочешь — отдыхай. Чжифэн, неужели мы не можем отдохнуть несколько дней? — после того как Сюй Ганя увели, в таверне, казалось, ничего не изменилось. Становилось всё холоднее, Чжочжо и И-и всё дольше спали, и даже сам Тань Чжифэн был вялым. Рано утром Чжочжо, схватив Тань Чжифэна за руку, трясла его и без

конца жаловалась: — Я больше не могу!

— Не можем, — Тань Чжифэн с бесстрастным лицом протёр последний стол, а затем, взяв Чжочжо за руку, серьёзно сказал: — «План на год составляется весной, план на жизнь — в усердии». Это на тебе, я пойду уберусь сзади.

— Братец Чжифэн, а... твой брат, куда он ушёл? Почему его уже несколько дней не видно? — спросила Чанчан, выйдя из соседней комнаты и протирая глаза.

— О, он ушёл по делам на несколько дней. Иди побудь с Лин-эром, и если он спросит, так ему и скажи, — Тань Чжифэн пошёл на задний двор и перевёл дух. Обернувшись, он увидел, что рядом с ним стоит ещё кто-то.

— Боже, И-и, ты хочешь меня до смерти напугать? — Тань Чжифэн прислонился к стене. — Почему ты здесь стоишь так тихо?

— Говори, Тань Чжифэн, какую ещё дурацкую идею ты придумал? — И-и пристально посмотрел на него. — Я не такая глупая, как Чжочжо. Не думаю, что ты будешь сидеть сложа руки и ждать, пока Сюй Гань вернётся.

— Я и не собирался от тебя скрывать, — тихо сказал Тань Чжифэн. — Я вчера всю ночь думал...

Чжочжо и Чанчан вместе просунули головы. Увидев, что Тань Чжифэн смотрит на них, Чжочжо поспешно сказала:

— Снаружи всё убрано... Конечно, это ты убрал...

А Чанчан добавила:

— Лин-эр ещё спит. Вчера он поздно лёг, я поставила рядом с ним свой цветочный горшок.

Тань Чжифэн, потеряв дар речи, смотрел на троих, столпившихся в дверях. Он откашлялся и рассказал им о том, как дважды видел в небе серо-белый дым.

— Что?! — Чжочжо широко раскрыла свои миндалевидные глаза. — Прямо как чёрная рука, убивают и оставляют знаки!

<http://bllate.org/book/14942/1323843>